

Моек. новости. – 1998. – 22 марта. – с. 30.

«Не бывает напрасным прекрасное»

– Юнна, почему ты стала поэтом, что такое для тебя быть поэтом?

– Быть поэтом – это образ жизни. А стать поэтом нельзя. Поэтом не становятся, поэтом рождаются, и я никому не советую к этому стремиться.

– Почему?

– Потому что это очень не только нелегко, но и неумно – быть поэтом. Гораздо лучше быть банкиром. А уж если кто родился поэтом, советую родиться во времена, благоприятствующие этому образу жизни.

– А разве бывают такие?

– Бывают. Конечно, бывают.

– Говорят: времена не выбирают, в них живут и умирают.

– Времена выбирают. В одно и то же время жили Ахматова и Жданов. И у каждого был выбор. И Ахматова выбрала одно время, а Жданов – другое. Я уж не говорю о том, что самые прекрасные писатели и художники примерно одного уровня значимости тоже выбирали каждый свое время. Одно время было у Булгакова, а другое – у Пастернака, одно – у Шаламова, другое – у Заболоцкого. В те же времена процветали совсем другие поэты. Они выбрали для себя такое время, в котором они процветали.

– Ты тоже выбрала свое время. Я искала для тебя слово и нашла: самоизгнание. Я не права?

– Не права. Я просто человек сольный. А не командный. Ко мне приходят молодые со всех концов страны и даже из других стран, у меня прямо на дому бесплатный литературный институт, и я всем сразу говорю: «Ребята, сколачивайте стаю, команду». Только стаей и командой можно быстро и легко войти в литературу.

– Ты говоришь это, пройдя совсем другой путь...

– Для меня самый замечательный, счастливый и единственно возможный.

– Ты живешь всем миром и в то же время абсолютно одна? И очень внимательно наблюдаешь, когда тебе грозит присуждение какой-то премии, ты тут же вынимаешь себя из списка. Ты так высоко ставишь свое имя?

– Ну нет, я приняла очень скромную, но престижную итальянскую премию «Золотая роза», которую мне присудили в городке Пьянелла, я читала там стихи в храме. Это было весьма замечательно. Но когда я вижу, что премии выдаются одной и той же тусовке и человек, сидящий в жюри, сам может присудить себе премию, и премиями в основном награждаются люди, обслуживающие правительственные группировки, и люди просто осатанели от того, что можно ухватить 100 – 200 – 300 тысяч долларов, толкнуть дверь ногой и получить 100 тысяч долларов на издание своих фотографий, и получить в среду премию за то, что ты большой мастер, а в пятницу – за то, что ты дебютант... А все-таки я прожила замечательную жизнь в том смысле, что никогда не упускала случая у советской власти попасть в черные списки и не участвовать ни в каких делах, обогащающих поэта. Оттого мне сейчас еще более противно видеть, что люди, которые как бы победили советскую власть, являют собой зрелище совершенно отвратительное и ведут себя гораздо хуже тех, кого они победили. Зачем же я буду в этом участвовать? Я люблю красивую жизнь, чтоб было за что себя уважать и любить.

– Твоя красивая жизнь заключается в том, что ты очень трудящаяся, у тебя нет заработка. И ты позволяешь себе такие жесты. Это редкое свойство, должна тебе признаться.

– Оля, когда ты говоришь, что это редкое свойство, ты не совсем искренна, поскольку это нормальный стиль поведения просто приличного человека.

– Ты сегодня не спала ночь. И это каждый раз. Для тебя ночь – как день. Расскажи, из чего состоит твоя ночь?

– О, это божественное время! Ночью у меня другое дыхание. Это особый род жизни, особый род существования. Я слышу необыкновенные вещи, я живу в гармонии с собой. Я пишу стихи, прозу. Я рисую, я даже пою. Днем вся эта злободня не дает мне такого состояния. Это не значит, что днем я живу другой жизнью. Точно такой же. Но происшествия, которые бывают с моей душой, и странствия, которые бывают, они бывают ночью.

– А как тебе удается избегать пустот жизни?

– В молодости всегда мучаешься, потому что из пустоты в пустоту попадаешь и никак не понимаешь, почему то, что для других прекрасно, для тебя – пустота. Пустота ведь понятие относительное. Вот человек вскочил, намазался, глотнул фужер коньяку, побежал туда, где пляшут – поют люди, которые впоследствии могут быть ему полезны, а он им полезен, и это очень полноценная жизнь, которая дает свои замечательные плоды. А я так устроена, что для меня вот это – пустота. Допустим, я пошла послушать Кисина, а после этого все пошла на какую-то тусовку. Я слушала Кисина, я была здорова и счастлива. Я попала на тусовку, у меня стала кружиться голова, и я почувствовала себя плохо, как человек, который не просто попал в пустоту, а рухнул туда, как лифт в детективном кинофильме.

– Когда тебе отказывали в признании, выгоняли из Литинститута, не печатали, было трудно с этим смириться или ты весело это воспринимала?

«Не бывает напрасным прекрасное». «Большой секрет для маленькой компании». «Когда мы были молодые и чушь прекрасную несли...» Афоризмы, которые шагнули в жизнь из стихов Юнны Мориц. Живой классик, пишущий для взрослых и детей, – сегодня с нами.

– Это было невыносимо, но по ходу дела открывались вещи по-своему замечательные, когда ты вдруг обнаруживал, что люди, числящиеся в передовых, прогрессивных и наиболее светлых, бросают человека, попавшего в трудное положение, потому что боятся заразиться неудачей. А вот люди, от которых ты меньше всего ожидаешь помощи и поддержки, которые числятся по ведомству туповатых, черствых и не понимающих высоких материй, как раз они вдруг не просто предлагают тебе свою поддержку, а оказывают ее и делают это так, как подают стакан воды, без всякого подчеркивания. Я узнала цену людям. И мне открылись вещи, совершенно не соответствующие тому, что представительство в витрине нашей действительности. Это было трудное время, но и время моего личного, интересного опыта. Я приехала из Арктики, проплавав там четыре месяца на ледоколе...

– Как ты попала в Арктику?

– Я училась в Литинституте, и считалось, что я замечательный поэт, учусь замечательно и заслуживаю поощрения. В виде поездки. И все думали, что я поеду в Коктебель, в Сочи, а в это время одна девушка, которая договорилась поехать в Арктику писать очерк, лишилась парнишки. А на корабль не берут одну женщину – это суеверие очень важное. Женщин на корабле должно быть четное число. И она искала кого-нибудь. Я сказала: я поеду с тобой. И она привела меня к большому человеку. Он был министром или замминистра Севморпути. Увидел меня в ситцевом платьице и сандаликах и говорит: вы так собрались в Арктику? Я говорю: да. Он сказал: взять. Такого человека надо взять. Я поехала в Арктику на четыре месяца. А когда я сошла с корабля, мне было трудно ходить по земле, потому что когда ты плаваешь на корабле, потом земля под тобой как бы качается. И развалка матроса – это не потому, что такой шик и стиль, а просто трудно после приспособиться. И потом я впервые летела на самолете оттуда. Это был самолет ледовой разведки. Он летел 14 часов без посадки. Там не было сидений никаких. Сидели на полу, на шкуре. И когда в следующий раз я купила билет на самолет в Киев и вошла и увидела сиденья, я стала рваться из этого самолета, я решила, что я не туда попала, что это автобус. Стюардесса

говорит – вы куда, вам сюда. Я говорю: нет, в самолете не бывает сидений. Она решила, что я сумасшедшая. Разве я посоветую кому-нибудь попасть в такие дурацкие положения? Никогда в жизни. Но уж если я попала, я не могу сказать, что Бог послал мне худшую жизнь из возможных. Я прожила интересную жизнь.

– Ты научилась гармонии, да?

– Да, как только я вернулась из Арктики, меня сразу выгнали из Литературного института за нарастание нездоровых настроений в творчестве. Поскольку я увидела другую жизнь, я увидела острова, где люди стреляются от одиночества. Где первые годы они узнают все друг о друге, а на второй год друг с другом порой не разговаривают. Где сходят с ума, где бегают за пищей не в гастроном, а по скалам. Я же попала на Новую Землю, когда там, как сказали, из моря пришли недоброкачественные отходы атомных испытаний. А на самом деле, там уже прошли атомные испытания.

– Ты же облучилась...

– Мы все облучились, да. Но я не в большей степени, чем те, которые погибли. Мне хуже, чем тем, кто не облучился. Но лучше, чем тем, кто погиб. Я приехала в Москву и увидела, что то, что я уже знаю, совершенно не соответствует тому, что царит вокруг меня. Все вокруг призывало меня воспеть революцию и исправлять ее. А я не воспеваю эту революцию, ненавижу, сколько была в шоке от другой жизни, которую увидела. Я увидела гостиницу под названием «Черный таракан», где люди живут, пробираясь по контракту на Север, и каждый раз надеются, что вот они два года отработают, вернутся, купят дом и будут жить нормально. Но никто, почти никто из тех, кого я знала, не сумел осуществить свою мечту – люди спивались.

– Юнна, ты перепивавшаяся со многими и всегда слышишь этот голос, имею в виду, из народа. Почему ты так устроена, что этот голос для тебя приоритетен?

– Ну это очень просто. У каждого человека есть какое-то предназначение. В детстве, лет в 10, меня поразила мысль о том, что вот я хожу по земле, а в этой земле лежат все умершие когда-либо люди, и среди них даже и лучшие. И все они лежат там, не взяв с собой ничего, кроме души своей. И я не видела разницы между человеком, который прорвался в элиту, и бабкой, ко-

торая сидит и смотрит вдаль. Я думаю, нам судьба подарила гениальную сцену в фильме Огара Иоселиани, когда идет поезд, шлагбаум и люди, крестьяне с косами, граблями, смотрят на людей, которые едут в поезде. Эта сцена – лучшее, что я видела в нашем кино при моей жизни. Потому что там ответы на все существующие нынче вопросы. И почему страну перестроить трудно. И почему перестраивают ее люди, которые, скажем прямо, ведут себя плохо. И почему мне интересен народ. Потому что мне интересно не то, как человек выглядит, как он нарядился, какой пост занимает. Мне интересен человек, как загадка природы. И чего уж там выпендриваться, Бог-то он есть. Есть.

– Скажи, Юнна, ты когда пишешь стихотворение и когда не пишешь его, ты равна самой себе или с тобой что-то происходит отдельное?

– Происходит. Но я бы не сказала, что во все остальное время я человек совершенно нормальный, с точки зрения людей, не пишущих стихи.

– Это меня в тебе и поражает. Есть люди, обыкновенные или необыкновенные, а потом, оказывается, они пишут еще и стихи. Ты все время существуешь как какая-то волшебница, с волшебным взглядом на вещи...

– Ну я могу сказать, что живу интересно. И в этом смысле я очень богатый человек. Просто миллионер. Ведь по-настоящему хороший вкус – это не какой-нибудь там пиджачок из бутылки или что-нибудь «от кутюр». Хороший вкус – это бесстрашие. А когда человек бывает бесстрашен? Когда он что-то может сделать прекрасное.

Шедевр, творение Божье, может уместиться на кончике иглы, от размера ничего не зависит. Я устроила себе такую роскошную, вне зависимости от количества денег, жизнь за счет умения читать замечательные книги, общаться с людьми совершенно замечательными. Они не находятся ни в Союзе писателей, ни в «Белом доме», они были на кораблях, в шахтах, рудниках, на улице. У меня слева книга о том, как древние римляне по утрам чистили зубы пемзой, смешанной с мочой десятилетнего юноши, а справа у меня Катулл в оригинале со словарем, посередине чашка кофе и мое стихотворение, рядом картина, которую я пишу, и в телевизоре будет кто-нибудь сидеть самодурски и говорить: а я вам этого не отдам, а вот будет, как мы хотим, народ нам не указ, а я самый умный. И все это вместе проходит мне в уши не в том виде, в каком имеет место быть в жизни, – это целая Вселенная, театр, я отношусь к этому соответственно.

– Я открыла тебя как удивительного художника.

– Я всю жизнь рисовала, выросла в рисующей среде: сестра – архитектор, двоюродный брат – художник. К нему приходили люди учиться, он был педагогом. Все рисовали. В детстве не было ни карандашей, ни красок, потому что война – откуда? Ветку берешь – зарисовываешь все дворы в городе. Кусочек мела получил – все зарисовал. Жилья не было вообще лет до 32 никакого. Нарисуешь – кладешь в карман. Всю жизнь рисовала. Я когда-то в интервью в «Литгазете» сказала, что я не пишу отдельные стихи, которые потом собираю в книгу. Я пишу сразу книги стихов, я выстраиваю какой-то мир, это совсем другое, чем собирать их в кучку или поручить родственникам собрать их в кучку, а потом напечатать. Я выстраивала этот мир в рисунке, живописи, графике. И это не было каким-то дилетантским рисованием. Это было серьезно всю жизнь. И я без этого просто жить не могла. Есть мои картины у ряда людей на Западе, которые приглашали меня на выступления, на фестивали. Я не возила черную икру и водку, у меня денег не было, я везла свою картину. Они были счастливы. Одно время я не имела денег на краски, перестройка началась, а у меня одни макаронны за шкафом. Я рисовала окурками. Я написала несколько работ окурками, их перенесли на ксероксе и на одном из западных фестивалей поэзии печатали и распространяли и были в полном восторге. Но ведь потом важно еще закрепить, и я разработала эту систему. Вот – никакой тебе мастерской, никогда. И завалена я этими картинами, стихами – ну это мир. И я в нем живу, и мне хорошо.

Морис Юнна

22.03.98